

арт
КЛАСИКА

НИКОЛАЙ
ГОГОЛЬ

ВЕЧЕРА НА ХУТОРЕ БЛИЗ ДИКАНЬКИ

МИРГОРОД

LIKE
BOOK

МОСКВА

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)1-44
Г58

Художественное оформление *Радия Фахрутдинова*

Иллюстрация на обложке *HerbstRegen*

Иллюстрации в блоке *Ирины Дальновой (Filgo)*

Гоголь, Николай Васильевич.
Г58 Вечера на хуторе близ Диканьки. Миргород / Николай Гоголь. — Москва : Эксмо, 2025. — 512 с. : ил.

ISBN 978-5-04-189862-5

Вы когда-нибудь слышали песни под яркой луной в далеких степях?

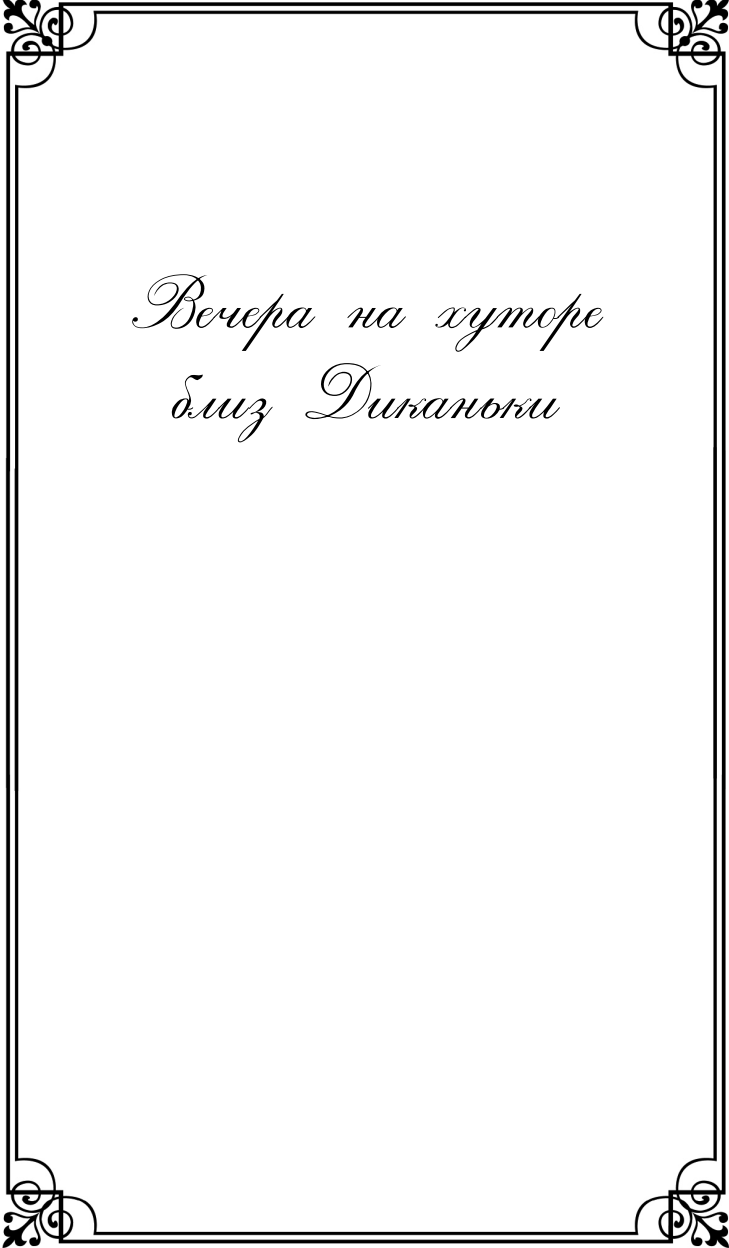
Широта души человеческой не знает границ. Здесь и добрые шутки друзей, готовых в любой момент защитить твой дом. И горький плач молодых девушек, которым родители строго запрещают выходить за порог по ночам. И звонкий смех утопленниц, водящих хороводы над водной гладью. Первый взгляд на любимую женщину. Последняя битва на верном коне.

Воля, сила жизни и искренность — вот то, что отличает произведения Николая Гоголя. И здесь вы найдете истории из сборников «Миргород» и «Вечера на хуторе близ Диканьки».

УДК 821.161.1-82
ББК 84(2Рос=Рус)1-44

ISBN 978-5-04-189862-5

© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2025

*Вечера на хуторе
близ Дубаньки*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Э то что за невидаль: «Вечера на хуторе близ Диканьки»? Что это за «Вечера»? И швырнул в свет какой-то пасичник! Слава Богу! еще мало ободрали гусей на перья и извели тряпья на бумагу! Еще мало народу, всякого звания и сброду, вымарало пальцы в чернилах! Дернула же охота и пасичника потащиться вслед за другими! Право, печатной бумаги развелось столько, что не придумаешь скоро, что бы такое завернуть в нее».

Слышало, слышало вещее мое все эти речи еще за месяц! То есть, я говорю, что нашему брату, хуторянину, высунуть нос из своего захолустья в большой свет — ба-тюшки мои! Это всё равно, как, случается, иногда зай-дешь в покои великого пана: все обступят тебя и пойдут дурачить. Еще бы ничего, пусть уже высшее лакейст-во, нет, какой-нибудь оборванный мальчишка, посмо-треть — дрянь, который копается на заднем дворе, и тот пристанет; и начнут со всех сторон притопывать ногами. «Куда, куда, зачем? пошел, мужик, пошел!..» Я вам ска-жу... Да что говорить! Мне легче два раза в год съездить в Миргород, в котором вот уже пять лет как не видал меня ни подсудок из земского суда, ни почтенный иерей, чем показаться в этот великий свет. А показался — плачь не плачь, давай ответ.

У нас, мои любезные читатели, не во гнев будь сказано (вы, может быть, и рассердитесь, что пасичник говорит

вам запросто, как будто какому-нибудь свату своему или куму), — у нас, на хуторах, водится издавна: как только окончатся работы в поле, мужик залезет отдохнуть на всю зиму на печь и наш брат припрячет своих пчел в темный погреб, когда ни журавлей на небе, ни груш на дереве не увидите более, — тогда, только вечер, уже наверно где-нибудь в конце улицы брезжит огонек, смех и песни слышатся издалеча, бренчит балалайка, а подчас и скрипка, говор, шум... Это у нас *вечерницы!* Они, изволите видеть, они похожи на ваши балы; только нельзя сказать, чтобы совсем. На балы если вы едете, то именно для того, чтобы повертеть ногами и позевать в руку; а у нас соберется в одну хату толпа девушек совсем не для бала, с веретеном, с гребнями; и сначала будто и делом займутся: веретена шумят, льются песни, и каждая не подымет и глаз в сторону; но только нагрянут в хату парубки с скрипачом — подыметесь крик, затеется шаль, пойдут танцы и заведутся такие штуки, что и рассказать нельзя.

Но лучше всего, когда собьются все в тесную кучку и пустятся загадывать загадки или просто нести болтовню. Боже ты мой! Чего только не расскажут! Откуда старины не выкопают! Каких страхов не нанесут! Но нигде, может быть, не было рассказываемо столько диковин, как на вечерах у пасичника Рудого Панька. За что меня миряне прозвали Рудым Паньком — ей-богу, не умею сказать. И волосы, кажется, у меня теперь более седые, чем рыжие. Но у нас, не извольте гневаться, такой обычай: как дадут кому люди какое прозвище, то и во веки веков останется оно. Бывало, соберутся накануне праздничного дня добрые люди в гости, в пасичникову лачужку, усядутся за стол, — и тогда прошу только слушать. И то сказать, что люди были вовсе не простого десятка, не какие-нибудь мужики хуторянские. Да, может, иному, и повыше пасичника, сделали бы честь посещением. Вот, например, знаете ли вы дьяка диканьской церкви, Фому Григорьевича? Эх, голова! Что за истории умел он отпускать! Две

из них найдете в этой книжке. Он никогда не носил пестрядевого халата, какой встретите вы на многих деревенских дьячках; но заходите к нему и в будни, он вас всегда примет в балахоне из тонкого сукна, цвета застуженного картофельного киселя, за которое платил он в Полтаве чуть не по шести рублей за аршин. От сапог его, у нас никто не скажет на целом хуторе, чтобы слышен был запах дегтя; но всякому известно, что он чистил их самым лучшим смальцем, какого, думаю, с радостью иной мужик положил бы себе в кашу. Никто не скажет также, чтобы он когда-либо утирал нос полою своего балахона, как то делают иные люди его звания; но вынимал из пазухи опрятно сложенный белый платок, вышитый по всем краям красными нитками, и, исправивши что следует, складывал его снова, по обыкновению, в двенадцатую долю и прятал в пазуху. А один из гостей... Ну, тот уже был такой панич, что хоть сейчас нарядить в заседатели или подкомории. Бывало, поставит перед собою палец и, глядя на конец его, пойдет рассказывать — вычурно да хитро, как в печатных книжках! Иной раз слушаешь, слушаешь, да и раздумье нападет. Ничего, хоть убей, не понимаешь. Откуда он слов понабрался таких! Фома Григорьевич раз ему насчет этого славную сплел присказку: он рассказал ему, как один школьник, учившийся у какого-то дьяка грамоте, приехал к отцу и стал таким латыньщиком, что позабыл даже наш язык православный. Все слова сворачивает на ус. Лопата у него — лопатус, баба — бабус. Вот, случилось раз, пошли они вместе с отцом в поле. Латыньщик увидел грабли и спрашивает отца: «Как это, батьку, по-вашему называется?» Да и наступил, разинувши рот, ногою на зубцы. Тот не успел собраться с ответом, как ручка, размахнувшись, поднялась и — хватить его по лбу. «Проклятые грабли! — закричал школьник, ухватясь рукою за лоб и подскочивши на аршин. — Как же они, черт бы спихнул с мосту отца их, больно бьются!» Так вот как! Припомнил и имя, голуб-

чик! Такая присказка не по душе пришлась затейливому рассказчику. Не говоря ни слова, встал он с места, расставил ноги свои посереде комнаты, нагнул голову немного вперед, засунул руку в задний карман горохового кафтана своего, вытащил круглую под лаком табакерку, шелкнул пальцем по намалеванной роже какого-то бусурманского генерала и, захвативши немалую порцию табаку, растертого с золою и листьями любистка, поднес ее коромыслом к носу и вытянул носом на лету всю кучку, не дотронувшись даже до большого пальца, — и всё ни слова; да как полез в другой карман и вынул синий в клетках бумажный платок, тогда только проворчал про себя чуть ли еще не поговорку: «Не мечите бисер перед свиньями»... «Быть же теперь ссоре», — подумал я, заметив, что пальцы у Фомы Григорьевича так и складывались дать дулю. К счастью, старуха моя догадалась поставить на стол горячий кныш с маслом. Все принялись за дело. Рука Фомы Григорьевича, вместо того чтоб показать шиш, протянулась к кнышу, и, как всегда водится, начали прихваливать мастерицу хозяйку. Еще был у нас один рассказчик; но тот (нечего бы к ночи и вспоминать о нем) такие выкапывал страшные истории, что волосы ходили по голове. Я нарочно и не помещал их сюда. Еще напугаешь добрых людей так, что пасичника, прости Господи, как черта все станут бояться. Пусть лучше, как доживу, если даст Бог, до нового года и выпущу другую книжку, тогда можно будет пострашать выходцами с того света и дивами, какие творились в старину в православной стороне нашей. Меж ними, статья может, найдете побасенки самого пасичника, какие рассказывал он своим внукам. Лишь бы слушали да читали, а у меня, пожалуй, — лень только проклятая рыться, — наберется и на десять таких книжек.

Да, вот было и позабыл самое главное: как будете, господа, ехать ко мне, то прямехонько берите путь по столбовой дороге на Диканьку. Я нарочно и выставил ее на

первом листке, чтобы скорее добрались до нашего хутора. Про Диканьку же, думаю, вы слышали вдоволь. И то сказать, что там дом почище какого-нибудь пасичникова куреня. А про сад и говорить нечего: в Петербурге вашем, верно, не сыщете такого. Приехавши же в Диканьку, спросите только первого попавшегося навстречу мальчишку, пасущего в запачканной рубашке гусей: «А где живет пасичник Рудый Панько?» — «А вот там!» — скажет он, указавши пальцем, и, если хотите, доведет вас до самого хутора. Прошу, однако ж, не слишком закладывать назад руки и, как говорится, финтить, потому что дороги по хуторам нашим не так гладки, как перед вашими хоромами. Фома Григорьевич третьего году, приезжая из Диканьки, понаведался-таки в провал с новою таратайкою своею и гнедою кобылою, несмотря на то, что сам правил и что сверх своих глаз надевал по временам еще покупные.

Зато уже как пожелаете в гости, то дынь подадим таких, каких вы отроду, может быть, не ели; а меду, и забожусь, лучшего не сыщете на хуторах. Представьте себе, что как внесешь сот — дух пойдет по всей комнате, вообразить нельзя какой: чист, как слеза или хрусталь дорогой, что бывает в серьгах. А какими пирогами накормит моя старуха! Что за пироги, если б вы только знали: сахар, совершенный сахар! А масло, так вот и течет по губам, когда начнешь есть. Подумаешь, право: на что не мастерицы эти бабы! Пили ли вы когда-либо, господа, грушевый квас с терновыми ягодами или варенуху с изюмом и сливами? Или не случилось ли вам подчас есть путрю с молоком? Боже ты мой, каких на свете нет кушаньев! Станешь есть — объяденье, да и полно. Сладость неопи-санная! Прошлого года... Однако ж что я в самом деле разболтался?.. Приезжайте только, приезжайте поскорей; а накормим так, что будете рассказывать и встречному и поперечному.

Пасичник Рудый Панько.

На всякий случай, чтобы не помянули меня недобрым словом, выписываю сюда, по азбучному порядку, те слова, которые в книжке этой не всякому понятны.

- Б а н д у р а — инструмент, род гитары.
Б а т о г — кнут.
Б о л я ч к а — золотуха.
Б о н д а р ь — бочарь.
Б у б л и к — круглый крендель, баранчик.
Б у р я к — свекла.
Б у х а н е ц — небольшой хлеб.
В и н н и ц а — винокурня.
Г а л у ш к и — клецки.
Г о л о д р а б е ц — бедняк, бобыль.
Г о п а к — малороссийские танцы.
Г о р л и ц а ,
Д и в ч и н а — девушка.
Д и в ч а т а — девушки.
Д и ж а — кадка.
Д р и б у ш к а — мелкие косы.
Д о м о в и н а — гроб.
Д у л я — шиш.
Д у к а т — род медали, носится на шее.
З н а х о р — многознающий, ворожей.
Ж и н к а — жена.
Ж у п а н — род кафтана.
К а г а н е ц — род светильни.
К л е п к и — выпуклые дощечки, из коих составлена бочка.
К н ы ш — род печеного хлеба.
К о б з а — музыкальный инструмент.
К о м о р а — амбар.
К о р а б л и к — головной убор.
К о р о в а й — свадебный хлеб.
К у н т у ш — верхнее старинное платье.
К у х о л ь — глиняная кружка.

Лысый дидько — домовый, демон.
Люлька — трубка.
Макитра — горшок, в котором трут мак.
Макогон — пест для растирания маку.
Малахай — плеть.
Миска — деревянная тарелка.
Молодица — замужняя женщина.
Наймыт — нанятой работник.
Наймычка — нанятая работница.
Оседедец — длинный клочок волос на голове, зама-
тывающийся на ухо.
Очипок — род чепца.
Пампушки — кушанье из теста.
Пасичник — пчеловод.
Парубок — парень.
Плахта — нижняя одежда женщин.
Пекло — ад.
Перекупка — торговка.
Переполох — испуг.
Пейсики — жидовские локоны.
Поветка — сарай.
Полутабенец — шелковая материя.
Путря — кушанье, род каши.
Рушник — утиральник.
Свитка — род полукафтання.
Синдячки — узкие ленты.
Сластёны — пышки.
Сволок — перекладина под потолком.
Сливянка — наливка из слив.
Смушки — бараний мех.
Соняшница — боль в животе.
Сопилка — род флейты.
Стусан — кулак.
Стрички — ленты.
Тройчатка — тройная плеть.
Хлопец — парень.

Хутор — небольшая деревушка.

Хустка — платок носовой.

Цыбуля — лук.

Чумаки — обозники, едущие в Крым за солью и рыбою.

Чуприна, чуб — длинный клочок волос на голове.

Шиска — небольшой хлеб, делаемый на свадьбах.

Юшка — соус, жижа.

Ятка — род палатки или шатра.

СОРОЧИНСКАЯ ЯРМАРКА

I

Мені нудно в хаті жить.
Ой, вези ж мене із дому,
Де багацько грому, грому,
До гопцюють все дівки,
Де гуляють парубки!

Из старинной легенды

Как упоителен, как роскошен летний день в Малорос-
сии! Как томительно-жарки те часы, когда полдень
блещет в тишине и зное и голубой неизмеримый океан,
сладострастным куполом нагнувшийся над землею, ка-
жется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая
прекрасную в воздушных объятиях своих! На нем ни об-
лака. В поле ни речи. Всё как будто умерло; вверху толь-
ко, в небесной глубине, дрожит жаворонок, и серебряные
песни летят по воздушным ступеням на влюбленную зем-
лю, да изредка крик чайки или звонкий голос перепела
отдается в степи. Лениво и бездумно, будто гуляющие без
цели, стоят подоблачные дубы, и ослепительные удары
солнечных лучей зажигают целые живописные массы
листьев, накидывая на другие темную, как ночь, тень, по
которой только при сильном ветре прыщет золото. Изум-
руды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над
пестрыми огородами, осеняемыми статными подсолнеч-
никами. Серые стога сена и золотые снопы хлеба станом
располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости.
Нагнувшиеся от тяжести плодов широкие ветви черешен,
слив, яблонь, груш; небо, его чистое зеркало — река в зе-
леных, гордо поднятых рамах... как полно сладострастия
и неги малороссийское лето!

Такою роскошью блистал один из дней жаркого авгу-
ста тысячу восемьсот... восемьсот... Да, лет тридцать будет